

В то же время небольшая карета темно-серого цвета, запряженная лошадьми, под палящим полуденным солнцем тихо въехала в длинный переулок Вэньхуа. Плющ обвивал высокие кирпичные стены, крыши с изогнутыми углами и зеленой глазурированной черепицей, высокие ворота и глубокие дворы — это была резиденция князя И.

Му Цинфэн, получив сообщение, лично вышел встречать у вторых ворот.

Худощавый юноша в широком белом шелковом халате с широкими рукавами, поддерживаемый слугой, вошел внутрь. Его глубокие глаза, черные брови, достигающие до висков, и бледное лицо делали его черные глаза похожими на глубокие, бездонные колодцы. На лбу у него был татуированный узор из двух листьев юэвэй, черно-белых, а на шее висела длинная нить черных бус из неизвестного материала, излучающих таинственный свет, что придавало юноше еще больше загадочности.

Увидев вдалеке Му Цинфэна, он остановился, сложил руки перед грудью и совершил очень торжественный поклон. Му Цинфэн также сложил руки в ответном приветствии, после чего юноша сделал шаг вперед.

Му Цинфэн оставался на месте, дожидаясь, пока юноша подойдет ближе, затем протянул руку и, пожав его руки, произнес:

— Лин Минь, нелегкая была дорога.

Этот юноша был Лин Минь, великим жрецом страны Юэвэй, который находился на втором месте после правителя. Четыре года назад Му Цинфэн спас его от рук повстанцев во время подавления восстания на юге.

Му Цинфэн провел его в теплую комнату, где уже был накрыт стол с обильными угощениями и чаем.

Лин Минь сел, но явно не был настроен пить чай. Он молча сидел на стуле, внимательно осматривая Му Цинфэна со всех сторон.

Му Цинфэн лично налил ему чай и, наблюдая за Лин Минем сквозь поднимающийся пар, с улыбкой сказал:

— Мы виделись только в прошлом году, прошло чуть больше полугода, а ты уже так соскучился по мне, что даже чай пить не можешь... Ну? Судя по твоему взгляду, ты, кажется, готов меня съесть!

Четыре года назад, когда в стране Юэвэй министр поддержал мятеж князя и жестоко убил старшего товарища Лин Миня, великого жреца Му Чжи, а самого Лин Миня заключил под стражу, Му Цинфэн привел войска и одним ударом меча обезглавил министра и князя, подавив восстание за несколько дней. С тех пор Лин Минь считал его своим близким другом и поклялся, что до конца своей жизни будет поддерживать мир между Юэвэем и Даинем.

Лин Минь, казалось, глубоко вздохнул, не проявляя ни капли шутливости. Его голос стал тише:

— Князь, ты в порядке, и это самое главное...

Му Цинфэн, глядя на его бледное, лишенное румянца лицо, с недоумением спросил:

— Во время похода на север я получил ранения, но уже полностью выздоровел. Неужели ты и

это предвидел?

Лин Минь покачал головой. Два листка на его лбу слегка исказились, когда он нахмурился, но в то же время в его глазах читалось облегчение. Через некоторое время он тихо произнес:

— Срок договора истек, и, похоже, молодой господин Гу Шаобай все же изменил свою судьбу. Это значит, что твои усилия не прошли даром...

Услышав имя «Гу Шаобай», Му Цинфэн вздрогнул, и чай из чашки пролился на его рукав. Он дрожащим голосом спросил:

— Лин Минь, ты живешь на юге, как ты знаешь Гу Шаобая... О чем ты говоришь?

Лин Минь посмотрел на него, его взгляд был полон тепла и сострадания:

— Князь, сначала не задавай мне вопросов. Скажи, с самого начала вашего знакомства, разве ты не замечал ничего странного?

Как не замечать? Му Цинфэн нахмурился.

Гу Шаобай с самого начала испытывал к нему врожденную ненависть; каждый раз, когда он приближался на шаг, Гу Шаобай отступал на десять;

Он был окружен шипами, полон подозрений, смотрел на него как на заклятого врага, как на потоп, как на дикого зверя, не проявляя ни капли доброты, и даже готов был причинить себе вред, лишь бы ранить его;

И все же он готов был рискнуть жизнью, чтобы помочь ему, поддержать его, защитить его. Если бы не его резкие слова, Му Цинфэн мог бы подумать, что он испытывает к нему глубокие чувства!

— Разве нет? — настойчиво спросил Лин Минь.

— Есть! — Му Цинфэн поставил чашку, которую чуть не раздавил в руке. За окном небо было мрачным, и на горизонте назревал сильный дождь.

— Кажется, он ненавидит меня... — он задумался, затем покачал головой. — Но, кажется, это не так... Если сказать, что он бессердечен... тоже не совсем...

— Он чуть не потерял жизнь ради меня, но не высказал ни единой жалобы... Однако потом он заставил меня написать письменное обещание. Если сказать, что он делал это только ради выгоды... тоже не похоже...

Му Цинфэн не мог подобрать подходящих слов, чтобы описать Гу Шаобая. Только сейчас он понял, что Гу Шаобай в его сердце был словно туман, как его глаза, которые на первый взгляд казались чистыми и прозрачными, но когда ты пытался заглянуть глубже, понимал, что это лишь твое неправильное восприятие, потому что он никогда не хотел показывать тебе себя настоящего!

Лин Минь, видя, как он мучается, пытаясь найти слова, чтобы описать свои чувства, понял, что этот человек, как и в тот день, когда он дал клятву, искренне полюбил Гу Шаобая.

Он похлопал по руке Му Цинфэна, которая сжимала край одежды, и тихо сказал:

— Князь... я, возможно, смогу прояснить для тебя эту ситуацию.

Му Цинфэн широко открыл глаза. Его обычно строгие черты лица сейчас напоминали лицо обычного влюбленного юноши, без тени высокомерия, только с надеждой, желанием и мечтой.

Лин Минь вздохнул:

— Пригласи Гу Шаобая сюда. Он тоже должен узнать, что произошло потом.

Чжоу Пин лично отправился с приглашением от князя И.

Му Цинфэн подумал, что если пригласить Гу Шаобая лично, то он, скорее всего, откажется, сославшись на плохое самочувствие или другие причины. Поэтому приглашение было отправлено напрямую главе семьи Гу.

Гу Цзюньсюань, получив приглашение, был в смятении и, польщенный тем, что князь лично приглашает Гу Шаобая для обсуждения поэзии и живописи, поспешил нарядить третьего молодого господина в лучшие одежды и усадить в карету.

Гу Шаобай покачивался в теплой карете, запряженной двумя носильщиками. Он был одет в новую одежду, воротник которой был накрахмален и натирал шею. Повернув голову, он через щель в занавеске увидел серьезное лицо Чжоу Пина. В прошлой жизни, если бы не та история, он бы, наверное, хорошо относился к Чжоу Пину.

Он приподнял занавеску:

— Дядя Чжоу, зачем князь зовет Шаобая? Что за дело?

Он не верил в эту чушь о вдохновении для поэзии!

Чжоу Пин, который всегда был доброжелателен к Гу Шаобаю, молодому господину из богатой семьи, но без высокомерия, немного помолчал:

— Третий молодой господин, князь... в последнее время не в духе. Сегодня к нему приехал его друг, великий жрец Лин Минь с юга, и он пригласил вас.

Гу Шаобай поблагодарил Чжоу Пина, опустил занавеску и с негодованием подумал, что ему нет дела до настроения Му Цинфэна. Пусть он умрет от тоски, вот что его волнует. А его друг приехал — какое это имеет отношение к нему? Неужели его позвали для беседы?

Аромат лилии Линлин смешивался с паром от чая, и лицо Лин Миня, словно затянутое полупрозрачной пеленой, казалось расплывчатым и неясным.

Му Цинфэн сказал:

— Лин Минь, ты похудел. Ты все еще не нашел своего старшего товарища?

Лин Минь покачал головой и горько улыбнулся. Как легко найти человека в этом огромном мире!

Старший товарищ Му Чжи ушел четыре года назад, и, вероятно, уже забыл о прошлой жизни. Он искал его на юге четыре года, но безрезультатно.

Старший товарищ, ты говорил, что даже после смерти будешь помнить меня и вернешься ко

мне, что не сможешь оставить меня... Сдержишь ли ты свое слово?

Ладно, если мы не встретимся в этой жизни, я пойду в мир мертвых и буду ждать. Ты не придешь, я не уйду, и однажды мы обязательно встретимся!

Му Цинфэн молча смотрел на него, словно он был за облаками, и в его сердце поднялась глухая боль, подобная волнам, бьющимся о берег.

Лэн Дун доложил снаружи, что карета готова.

Му Цинфэн взял Лин Миня с собой, и они отправились в ту самую усадьбу Чжоу, которую когда-то купили, чтобы заманить Гу Шаобая.

Глядя на прекрасное лицо Лин Миня, Му Цинфэн не спросил, как тот узнал об этой усадьбе и зачем она ему понадобилась. Он знал, что сегодня Лин Минь даст ему ответ, ответ, который касался его и Гу Шаобая.

Вскоре после их прибытия приехал и Гу Шаобай.

Лин Минь пристально смотрел на юношу в голубом, который приближался издалека. Он был как струя чистой воды, с мягкими чертами лица и невинным взглядом. Это был первый раз, когда он видел живого Гу Шаобая.

Гу Шаобай издалека увидел юношу, стоящего под грушевым деревом. Его белая одежда была как снег, а сам он казался бледным и хрупким, словно призрак, окруженный легкой пеленой печали, с аурой непонятной грусти, исходящей от всего его существа.

Авторское примечание:

Наконец-то вернулась из путешествия, теперь буду обновлять каждый день. Эта глава начнет прояснять ситуацию, а в следующей я представлю вам совершенно другого Му Цинфэна. Возможно, начиная с завтрашнего дня, вы, мои дорогие, перестанете так сильно ненавидеть князя!

<http://bllate.org/book/16730/1538869>